

НЕОПАТРИСТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ: ХРИСТИАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛЬНОМУ КРИЗИСУ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Розалия Рупова. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: АЛЕТЕЙЯ, 2017. – 232 с.; ISBN 978-5-906910-65-3; 579 RUB*.

DOI: 10.29357/2521-179X.2019.22.8

В монографии Розалии Руповой «Неопатристический синтез: христианская альтернатива глобальному кризису цивилизации» представлен текст ее диссертации «Неопатристический синтез как религиозно-философское течение XX-XXI веков: религиозно-антропологический анализ» на соискание ученой степени доктора философских наук (специальность: философская антропология, философия культуры), которая была защищена в 2017 году. Монографический труд Руповой является продолжением и развитием дискуссии, начавшейся еще в первой половине XX века вокруг такого богословского направления, как «неопатристический синтез», которое было инициировано протоиереем Георгием Флоровским в середине 1930-х годов.

Прежде всего, следует отдать должное работе Руповой, так как она является одной из немногих работ, посвященных подробно и основательному исследованию неопатристического синтеза как такового. Пожалуй, самой значительной особенностью представленной работы является то, что в ней неопатристика осмысливается в антропологическом и социо-культурном ключе, в отличие от многочисленных работ, в которых она получила по большей части или даже исключительно теологическое (триадологическое, апофатическое, мистическое и др.) осмысление.

Работа Руповой представляет собой современную попытку в очередной раз привлечь внимание к патристическому или неопатристическому возрождению и оживить дискуссию вокруг его программных установок. Данная работа направлена на экспликацию недораскрытого и не до конца реализованного проекта «неопатристики», который в силу определенных причин постепенно перестает быть трендом, доминирующей парадигмой в академических кругах, и даже иногда «выносятся за скобки» богословского дискурса.

Рупова выдвигает гипотезу, согласно которой неопатристический синтез является оплотом, последней надеждой современной европейской цивилизации. Вот что она пишет по этому поводу: «В ситуации антропологического кризиса – корневого для всех других кризисов современного общества, мы предлагаем вариант воздействия на кризисные процессы путем подведения под культуру нового антропологического фундамента. Этот фундамент выстраивается на путях осуществления неопатристического синтеза и построения на его основе новой антропологической парадигмы» (стр. 18). Другими словами, автор твердо

* Статья поступила в редакцию 7.06.2018; утверждена в печать 30.06.2018.

убеждена в том, что идеи и методология неопатристического богословия потенциально могут послужить ключом к решению современных проблем антропологического характера европейской цивилизации.

Рупова делает историко-философский обзор культурно-исторических эпох европейской истории, и анализирует те парадигмы и эпистемы, которые привели их, в том числе и современную эпоху, к антропологическому кризису или даже катастрофе. В качестве основного аналитического инструментария автор использует модель «Антропологической Границы» С. С. Хоружего, в соответствии с которой она анализирует границы антропологических учений в европейской истории, а именно: границу с бессознательным, границу с виртуальностью и границу с Инобытием. В результате анализа Рупова приходит к выводу, что причина стагнаций и антропологических кризисов всех периодов европейской цивилизации кроется в забывании и отходе общества от своих христианских истоков, тесно связанных с святоотеческой мыслью, синтезировать и творчески интерпретировать которую стремились представители неопатристического движения.

Среди существенных недостатков рассматриваемого исследования следует выделить следующее: изучая понятие «личности» у неопатристических богословов, Рупова совершенно не уделяет внимание и даже игнорирует критику в адрес их антропологии. Фактически она отказывается вступать в полемику с учеными, работы которых в корне противоречат, если не подрывают основные положения ее гипотезы. Подобный подход едва ли согласуется с общепринятыми принципами научного исследования, и представляет собой одностороннее раскрытие степени изученности предмета (*status quaestionis*).

Довольно странно, что Рупова, ссылаясь несколько раз на небезызвестный для русскоязычного читателя критический анализ Роуэна Уильямса «Богословие В. Н. Лосского: изложение и критика», уклоняется и оставляет без внимания его весьма основательную, текстуально обоснованную критику основных положений неопатристического богословия В. Н. Лосского. В частности, она оставляет без ответа нюансированную и скрупулезную критическую деконструкцию Уильямсом лоссковских отсылок и апелляций к Отцам при попытке тринитарной концептуализации личности, в результате чего он доказывает, что Лосский вкладывает свои идеи в разум и уста Отцов, читая их через призму богословия Григория Паламы и опираясь на идеи русских религиозных философов. Говоря более конкретно, Уильямс аннигилирует все старания Лосского показать, что греческие Отцы понимали личность как «[н]есводимость ипостаси к сущности или природе».¹ К подобным выводам впоследствии пришли и другие ученые, например, Гришаева Е. И., посвятившая свою кандидатскую диссертацию теме «Учение о личности в философии В. Н. Лосского: историко-философский анализ» (Екатеринбург, 2011), которую Рупова также не упоминает.

¹ Владимир Лосский, *Боговидение* (Москва: АСТ, 2006), 649.

Если согласиться с заключениями Уильямса и других ученых по поводу вышеуказанных расхождений между антропологиями Лосского и Восточных Отцов, то тогда гипотеза Руповой, по меньшей мере, нуждается в существенном пересмотре. Основывая свой метод решения сложившихся личностных проблем в современном европейском обществе на христианской антропологии, формировавшейся под влиянием ранних Отцов Церкви, она упускает из виду то обстоятельство, что именно в вопросе личности (и не только) неопатристическая парадигма не следует в точности «уму Отцов» (что уже было неоднократно доказано различными учеными). Следовательно, если неопатристических мыслителей, в особенности Лосского, нельзя считать верными преемниками учения Отцов о личности, то тогда проект «неопатристический синтез» вовсе нельзя рассматривать как возвращение к Отцам через интерпретации их антропологии, которую Рупова предлагает поставить во главу угла ценностей и императивов современной цивилизации.

Среди незначительных недостатков данной работы мы выделим лишь один: при рассмотрении древнееврейских глаголов אָסָא [asa] и בָּרָא [bara] Рупова приводит неверные данные. Согласно ее утверждению, слово בָּרָא используется в Библии всего лишь три раза, а если точнее, то только в первой главе книги Бытия (ст. 1, 21, 27). Однако в действительности это слово используется в Священном Писании значительно чаще. В различных грамматических формах оно встречается в Ветхом Завете более сорока раз.

Несмотря на отмеченные выше слабые стороны, монография д-ра Руповой содержит в себе полезный историко-философский аналитический материал и рефлексии как о православном богословии в целом, так о русской религиозной философии XIX-XX вв. и неопатристике в частности. Данный труд рассчитан на исследователей, преподавателей и студентов, читателей, интересующихся православным богословием, патристикой, религиозной философией, персонализмом и богословской антропологией.

Эдуард Саблон Лейва

Евангелический богословский университет

Лювен, Бельгия

ORCID: 0000-0003-3743-9271